

Барракуда forever

Автор:

Паскаль Рютер

Барракуда forever

Паскаль Рютер

Популярный французский писатель Паскаль Рютер – автор пяти книг, в том числе нашумевшего романа “Сердце в Брайле”, который был экранизирован и принес своему создателю несколько премий. Как романист Рютер знаменит тем, что в своих книгах мастерски разрешает неразрешимые конфликты с помощью насмешки, комических трюков и сюрпризов любви.

“Барракуда forever” – история человека, который отказывается стареть. Бывший боксер по имени Наполеон на девятом десятке разводится с женой, чтобы начать новую жизнь. Мужественная осанка и боксерские навыки по-прежнему при нем, и он чувствует себя непобедимым. Заботливый сын пытается его опекать, однако Наполеон предпочитает общаться не с ним, а с десятилетним внуком. Они вдвоем ходят в боулинг, заводят собаку, говорят между собой на эсперанто и врут всем напропалую, затевая рискованные выходки. Мальчик восхищается дедом и лишь смутно догадывается о тайнах своего кумира, которые ему вскоре предстоит узнать.

Паскаль Рютер

Барракуда forever

© Editions Jean-Claude Lattès / Didier Jeunesse, 2017

© Е. Тарусина, перевод на русский язык, 2019

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019

© ООО “Издательство АСТ”, 2019

* * *

Мишель Моро, без которой эти страницы никогда не превратились бы в роман, – с сердечной благодарностью

Глава 1

В возрасте восьмидесяти пяти лет мой дед Наполеон решил, что пора начать новую жизнь. Он потащил мою бабушку Жозефину в суд разводиться. Поскольку она никогда ни в чем ему не отказывала, то согласилась.

Они развелись в первый день осени.

– Хочу начать жить заново, – заявил дед судье, который рассматривал их дело.

– Ваше право, – ответил тот.

Мы с родителями поехали с ними во Дворец правосудия. Отец надеялся, что Наполеон в последний момент пойдет на попятную, но я-то знал, что он напрасно так думает: дед всегда стоит на своем.

Бабушка все плакала и не могла остановиться. Я поддерживал ее под руку и подавал ей бумажные носовые платки, промокавшие насквозь в считанные секунды.

– Спасибо, Леонар, мой хороший, – проговорила она. – Ну какой же он осел, этот Наполеон, какой упрямый осел!

Она высморкалась, вздохнула, и на губах ее появилась ласковая снисходительная улыбка.

– Ну что ж, ладно, раз он так решил, этот осел, – произнесла она.

Мой дед не зря носил имя Наполеон. Он гордо стоял на ступенях Дворца правосудия, держа руки в карманах новеньких белых брюк, и с видом императора, только что завоевавшего очередное королевство, взирал на прохожих надменным, самодовольным взглядом.

Он меня восхищал. Я думал, что в жизни много секретов и деду все они известны.

Осень только начиналась, дул теплый влажный ветерок. Жозефина поежилась и подняла воротник пальто.

– Надо это отпраздновать! – заявил Наполеон.

Папе и маме эта идея была не по вкусу, а Жозефине тем более, так что все просто пошли в сторону метро.

– Хочешь ванильного мороженого? – спросил меня Наполеон, когда мы поравнялись с витриной уличного торговца.

Он протянул бумажку молодому продавцу:

– Два мороженных, одно мне, одно – моему Коко. Взбитые сливки? Да. Ну что, Коко, тебе со сливками?

И он подмигнул мне. Я кивнул. Мама пожала плечами. Папа пустым взглядом смотрел прямо перед собой.

– Разумеется, моему Коко – со взбитыми сливками!

Коко... Так он звал меня всегда. Не знаю почему, но мне нравилось думать, что в спортивных залах и на рингах, где он раньше постоянно бывал, все тоже звали друг друга Коко.

Совсем не то что Леонар. Леонар Бонер. Мне было десять лет, и мир представлялся непонятным, таинственным, немного враждебным, и часто казалось, что встречные меня не замечают, что я просто не отпечатываюсь на их сетчатке. Наполеон, утешая меня, говорил, что боксеру необязательно быть здоровенным качком и что большинство чемпионов отличались не ростом, а мастерством и талантом. Но я-то боксом не занимался. Я был невидимкой.

Я пришел в этот мир грозным вечером, лампочки в палате перегорели, и первый крик я испустил в полной темноте. Жизнь маленького Бонера началась во мраке, который за прошедшие с тех пор десять лет так до конца и не рассеялся.

– Вкусно, Коко? – спросил Наполеон.

– Очень, – ответил я. – Спасибо.

Бабушка немного успокоилась. Я поймал ее тоскливый взгляд, и она мне улыбнулась.

– Полакомься в свое удовольствие, – шепнула она мне.

Продавец протянул Наполеону сдачу, тот спросил:

– Сколько вам лет?

– Двадцать три года, месье. А что?

– Да так просто. Оставьте себе. Нет-нет, не возражайте. Сегодня у нас праздник!

– Чего только не услышишь, – пробормотала бабушка.

В поезде, который вез нас домой, мы молчали, сидя среди пассажиров, возвращавшихся с работы. Бабушка немного приободрилась, припудрила щеки, и я прислонился к ней, предчувствуя скорое расставание. Прижавшись лбом

к стеклу, она рассматривала убегающий пейзаж. Грусть придавала ей какую-то благородную красоту. Она изредка поглядывала на того, с кем прожила всю жизнь. Глаза у нее были цвета облетевшей листвы, кружащейся в небе. На губах порой мелькала улыбка, и я мог только гадать, какие мысли бродят у нее в голове.

Она все может понять, подумал я.

У деда от ванильного мороженого появился на губе белый ус. Он положил ноги на сиденье напротив и весело что-то насвистывал.

– Какой удачный денек! – воскликнул он.

– Вот именно, точнее не скажешь, – пробормотала бабушка.

Глава 2

Спустя неделю мы все вместе, включая Наполеона, провожали Жозефину на Лионском вокзале.

Она решила уехать на юг Франции, в Экс-ан-Прованс, вернее, в маленький городок рядом с ним, где она родилась и где ее ждал домик племянницы, в котором та не жила. Нужно взглянуть на вещи по-другому, может быть, все к лучшему, заявила она. Самое время найти старых друзей, пройти по тем дорожкам, по которым ходила в детстве. А главное, будет много солнца и света.

– Мне будет теплее, чем вам!

Словно подтверждая ее слова, по стеклянной крыше вокзала тоскливо зашуршали крошечные капли.

Мы ждали поезда, стоя на перроне рядом с горой чемоданов. Дед нетерпеливо расхаживал по платформе взад-вперед, словно боялся, что поезд не придет.

– Леонар, малыш, ты приедешь меня навестить? – спросила бабушка.

Мама ответила за меня:

– Конечно, мы будем часто приезжать. Ведь это не так уж далеко.

– И ты почаще приезжай! – подхватил папа.

– Если Наполеон позовет, приеду. Скажите ему. Я ведь его, упрямого осла, знаю как никто и прекрасно представляю себе, что он... – Она задумалась на несколько секунд и продолжала: – Да нет, лучше ничего ему не говорите. Когда созреет, сам будет меня умолять. Когда полностью созреет, как старое подгнившее яблоко, совершенно...

Дед, подбежав легкой трусцой, не дал ей договорить:

– Поезд прибывает! Готовьтесь! Как бы не опоздать!

– У тебя удивительная способность поднимать людям настроение! – заметил отец.

Схватив самый большой чемодан, Наполеон повернулся к Жозефине и нежно ей шепнул:

– Я взял тебе билет в первый класс.

– Ты такой внимательный!

Мы усадили Жозефину на ее место. Наполеон и отец расставили чемоданы. Я услышал, как дед тихонько шепнул ее соседке:

– Присмотрите за ней. По ней не скажешь, но она такая хрупкая!

– Что ты сказал этой даме? – поинтересовалась бабушка.

– Ничего особенного, я сказал, что поезда вечно опаздывают.

Мы сошли на перрон. Голос из репродуктора объявил, что поезд на Экс-ан-Прованс отправляется. Жозефина улыбалась нам из-за стекла так весело, словно уезжала в отпуск.

Поезд проплыл мимо нас, мы помахали вслед. Красные огоньки последнего вагона погасли в тумане.

Вот и все. Голос сообщил о прибытии другого поезда. Другие пассажиры заполнили платформу.

– Пойдем выпьем по глоточку! – предложил Наполеон. – Я угощаю.

В кафе, набитом пассажирами, Наполеон отыскал свободный диванчик, и мы кое-как на нем разместились. У деда были грандиозные планы.

– Для начала переделать все в доме, – сообщил он. – Наклеить новые обои, побелить потолок, кое-что починить. Я снова молод!

– Пришлю тебе подрядчика, – сказал отец.

– Никакого подрядчика. Я сам все сделаю. А Коко мне поможет.

Он ткнул меня кулаком в плечо, как бы ставя на этом точку.

– Это не самое разумное решение, – заметила мама. – Вам следовало бы послушать сына.

Отец одобрительно кивнул и добавил:

– Правда, папа, подумай хорошенько, с маляром будет куда проще. Он сделает самую тяжелую работу.

– Вот именно! – вскричал дед. – А мне достанутся одни крошки! Как воробью! Ни за что! Я сделаю все сам. Заметьте, я ни о чем вас не просил. Если вы пришли нарочно для того, чтобы меня унижить, то лучше бы сидели дома. Я без вас отлично со всем справлюсь. Я сам и мой Коко. И еще оборудую зал

с гимнастическими снарядами.

– С гимнастическими? – взвился отец. – Почему тогда не с гирями и штангой?

– Штанга – тоже неплохо. Надо будет подумать. Запомню.

Отец вздохнул, они с матерью переглянулись, он прокашлялся и заявил:

– Папа, честно говоря, если ты хочешь знать мое мнение...

– Не утруждайся, – перебил его Наполеон, потягивая кока-колу через трубочку, – я прекрасно знаю, что ты обо всем этом думаешь.

Да, они его не одобряли. В особенности отец. В восемьдесят пять, да почти уже в восемьдесят шесть, люди не разводятся. Не устраивают в доме гимнастический зал, не отказываются от помощи мастеров, собираясь делать ремонт. Впрочем, в таком возрасте обычно ремонт не затевают. Да и вообще ничего не затевают. Просто ждут. Ждут конца.

– На самом деле, – продолжал Наполеон, – мне плевать, что ты об этом думаешь. И в твоём разрешении я не нуждаюсь. Усек?

Отец начал густо багроветь. Его возмущенная физиономия в один миг сморщилась, но мама, тихонько положив ладонь ему на руку, погасила приступ гнева.

– Полагаю, это доступно даже мне, – проворчал он и смолк.

Наполеон подмигнул мне и произнес:

– Lau vi, cu mi estis suffice klara, Bubo?

Что означало “Как по-твоему, малыш, я достаточно ясно выразился?” на эсперанто. Дед бегло говорил на этом языке и меня тоже немного научил.

Я кивнул. Эсперанто стал нашим тайным языком – моим и деда, – и мы пользовались им, когда нужно было что-то сохранить в секрете. Мне нравились эти странные, отчасти знакомые раскатистые звуки, пришедшие издалека и создававшие ощущение, будто во рту у тебя помещается весь мир. Дед выучил эсперанто в своей первой жизни, когда он блистал на ринге, чтобы легче было общаться с боксерами из других стран, налаживать отношения со спортсменами и морочить голову тренерам, импресарио и журналистам.

– Что он сказал? – спросил отец.

– Так, ничего, – ответил я. – Он сказал, это очень мило, что вы о нем беспокоитесь.

Мы вышли из здания вокзала. В ожидании пассажиров у тротуара выстроилась бесконечная вереница такси.

– Эй! – окликнул дед водителя. – Вы свободны?

– Да, я свободен.

– Прекрасно, – заявил Наполеон. – Я тоже.

И расхохотался.

Глава 3

Наполеон уже прожил две жизни, и у него наверняка имелась еще целая куча в запасе, как у кошки. В первой жизни он выступал на рингах по всему миру и не раз попадал на первые страницы газет. Ему были знакомы и слава чемпиона, и трескучие вспышки фотокамер, и короткая радость победы, и бесконечное одиночество в раздевалке после поражения. Потом вдруг он разом, по непонятным для нас причинам, поставил крест на своей карьере.

И стал водителем такси. Taximan, как он любил произносить с американским акцентом. Он никогда не снимал гребешок, установленный на крыше его

машины. Когда он забирал меня из школы, он его включал, и в зимних сумерках издали виднелись светящиеся буквы ТА и I – Х категорически отказывалась загораться. Задняя дверца “пежо” распахивалась, и дед церемонным тоном вопрошал:

– Куда поедет, месье?

Однако в эту пятницу, спустя неделю после отъезда Жозефины, он просто сообщил:

– Хочу кое-куда тебя отвезти.

– В боулинг?

– Нет, не в боулинг. Увидишь.

Наполеон объяснил мне, что много думал и что начало третьей жизни должно ознаменоваться важным событием.

– Радостным событием! – воскликнул он и включил правый поворотник.

– Дедушка, я понял, но ты едешь налево.

– Не страшно, – возразил он, – в Англии все ездят слева.

– Мы же не в Англии!

– Что это они так разгуделись? Как думаешь, почему?

– Дедушка, ты в каком году права получал?

– Во-первых, давай договоримся, что с сегодняшнего дня ты меня больше так не называешь. А во-вторых, о каких правах ты говоришь?

Солнце стало клониться к закату.

На каждом перекрестке он инстинктивно вытягивал руку, защищая меня спереди, чтобы я не вылетел через ветровое стекло, если придется резко тормозить, как будто в машине не было ремней безопасности. Мы ехали примерно полчаса, потом свернули с шоссе на грунтовую дорогу.

– Это здесь. Мне так кажется.

Я прочитал три буквы над входом:

– ОЗЖ.

– Отлично, три буквы ты точно знаешь. Этого довольно. Хватит, чтобы выйти из любого положения. Вперед, go, пойдём.

– Ты хочешь взять собаку? – поинтересовался я, когда мы шагали по бетонным дорожкам между двумя рядами вольеров.

– Нет, что ты! Подыскиваю себе секретаря! Ты иногда такие вопросы задаешь...

Из клеток доносился хриплый лай попеременно с пронзительным визгом. Там обитали все породы собак, какие только бывают на свете, с длинной, короткой, мягкой, густой или жесткой, прямой или волнистой шерстью – все, какие можно вообразить. Многие понуро, безучастно сидели, забившись в глубь клетки, и принимались махать хвостом, когда какой-нибудь посетитель проходил мимо. Некоторые были шелудивые, и они отчаянно чесались, у других слезились глаза, третьи безостановочно крутились, гоняясь за собственным хвостом.

Тут крепыш спаниель, здесь мощный босерон, там вертлявый джек-рассел, дальше спокойный лабрадор, элегантная колли, грациозная аристократичная борзая. Оставалось выбрать. Вот в этом-то и состояла проблема.

– Не так-то просто сделать выбор! – признался Наполеон. – Но ведь всех не возьмешь. Давай положимся на судьбу...

К нам вышла какая-то дама и, заметив, что дед пребывает в замешательстве, заявила:

– Все зависит от того, для чего вам это надо.

– Дело в том, что мы не знаем, – признался Наполеон. – Вот в чем вопрос! Мы просто хотим собаку, чтобы она жила с нами, как и полагается собаке.

Он указал на клетку, на которой не было таблички.

– А тут что? – спросил он.

– Тут? Кажется, жесткошерстный фокстерьер, – ответила дама.

Пес устремил на нас мутноватый взгляд, на миг поднял морду и, издав протяжный вздох, снова положил ее на ровно вытянутые лапы.

– Вы уверены? – осведомился Наполеон.

– Честно говоря, не очень. Может, это сеттер... Погодите, сейчас посмотрю.

Дама стала копаться в бумагах, они вылетали у нее из рук и падали на дорожку.

– Не могу найти его документы.

– Жаль, так и не узнаем, какой он породы. Но нам наплевать на породу, правда, Коко?

– Да, наплевать.

– А сколько ему лет?

С видом опытного профессионала дама заявила:

– Ну... Ему примерно год. Нет, два. Да, два. – Ее лицо расплылось в смущенной улыбке. – Нет, все-таки поменьше. Или побольше.

Она снова погрузилась в бумаги, в конце концов выронила их все, и они разлетелись.

– Ладно, не важно! – произнес Наполеон. – Нам и на возраст наплевать. А сколько лет живут такие собаки?

– Они живут долго, лет двадцать, – ответила дама. – Вас что-то беспокоит? Какая-то проблема?

– Еще бы, это большая проблема! – вскричал Наполеон.

– Да-да, конечно. Я понимаю...

– С животными всегда одна и та же проблема, – вздохнул Наполеон, – они умирают раньше нас, а это очень больно.

* * *

– Забавно, – заметил Наполеон. – Видишь, пришли вдвоем, а уходим втроем.

Мы улыбнулись друг другу. Нам хотелось поговорить с нашим псом, но мы не решались, потому что это выглядело бы смешно.

Наполеон достал из кармана новенький поводок, упруго развернувшийся, словно змея. На нем еще болтался ярлычок.

– Ты все предусмотрел, де... Наполеон!

– Все. Даже вот это. Взгляни-ка!

Багажник “пежо-404” был доверху набит пакетами с сухим собачьим кормом. Наполеон распахнул заднюю дверцу и торжественно провозгласил:

– Новая жизнь начинается! Куда поедем, месье?

Пес запрыгнул на заднее сиденье, обнюхал его и, довольный, с удовольствием на нем развалился.

Таксометр выдавшего виды “пежо” показывал 0000, и мне почудилось, будто он начинает новый отсчет неведомо чего.

– А что, это правильно, – рассудительно заметил Наполеон, тронув машину с места. – Мы ведь не хотели собаку какой-то определенной породы. Просто собаку. Собаку с повадками собаки – и все!

Теперь встал вопрос об имени. Медор, Рекс, Рин-Тин-Тин, Балу – все это нас не устраивало. Остановившись на очередном светофоре, мы оба обернулись. Пес вопросительно поднял на нас ласковые, словно подведенные черным глаза.

– Тебе нужно совершенно необычное имя, – задумчиво произнес дед, – совсем новое. Старые приелись! И баста.

– Баста! – воскликнул я. – Отличное имя!

– Идет! Пусть будет Баста!

Повернувшись назад, дед спросил:

– Ну что, Баста, ты доволен новым именем?

– Гав!

– Ему вроде нравится! – сказал я. – Зеленый, можно ехать.

– Красивое имя, – согласился дед и тронулся с места. – По крайней мере для собаки. Оригинальное. Изысканное. Классное, это уж точно. Гораздо лучше, чем, например, “Финиш” или “Абзац”. Ты понимаешь собак, это чувствуется.

Приехав к нему домой, мы первым делом вытащили из багажника пакеты с кормом и разложили по шкафам.

– Мы славно потрудились, – заявил Наполеон, – и у меня кое-что для тебя есть.

Он выдвинул ящик и достал туго набитый полотняный мешочек.

– Не волнуйся, это не собачий корм. Открой.

В его глазах горели хитрые огоньки.

Шарики. Сотни шариков. Старые шарiki – керамические, стеклянные, агатовые, маленькие и побольше... Все детство Наполеона.

– Начал собирать еще подростком, – сказал он. – Выигрыш за несколько лет. Ты найдешь им лучшее применение, чем я. Мне, знаешь, и играть-то не с кем. Обычно дарят коллекцию марок, но меня марки всегда раздражали. Поначалу у меня их скопилось целая куча – от писем. Честно говоря, я никогда особо не напрягался с писаниной.

У меня подкашивались ноги, бешено колотилось сердце, а челюсти свело так, что не разомкнуть.

– Только не вздумай реветь! – бросил он.

Глава 4

Так Баста вошел в нашу семью и на следующий день был представлен моим папе и маме. Пес оказался уживчивым, с мягким и легким характером, радовался любому пустяку. Отец поинтересовался только:

– Какой он породы?

– Пес, – ответил Наполеон, – просто пес. Не знаю почему, но я был уверен, что ты задашь именно этот вопрос.

– Не злись, – проворчал отец. – Мне же хочется знать. Говорят же: “Это пудель, это лабрадор, а это...”

– Ничего подобного! Мы говорим: “Это собака”. Помесь собаки с собакой. Баста!

– Ладно-ладно. Ну что ты кипятишься из-за обычного вопроса?

– Я не кипячусь. Баста – это его имя. Ну да, это меня бесит. Бесит твоя мания вечно все раскладывать по полочкам. Когда ты был еще совсем маленьким, то и тогда уже норовил разложить все по полочкам. Помнишь свои марки? Тебе всегда нравилось раскладывать людей – и собак тоже – по ячейкам. Вот так, чтобы им уже не пошевелиться, как в...

Отец пожал плечами и спросил:

– Ты не мог бы мне все же сказать, почему именно собака. Теперь, когда...

– Когда что?

– Когда ничего.

Наполеон, подчеркивая каждое слово бурными жестами, объяснил, что всегда мечтал завести собаку. В детстве они жили в совсем крошечной квартирке рядом с Бельвилем, а потом, ему, боксеру, бессмысленно было даже думать о собаке. Разве собаке, даже такой покладистой и симпатичной, как Баста, может понравиться бродячая жизнь боксера?

– К тому же у твоей матери была аллергия на собачью шерсть. Кругом сплошное везение! Но теперь я твердо намерен заботиться о нем до самого конца.

Отец удивленно поднял бровь.

– До его конца, – уточнил Наполеон, пожав плечами.

Мама достала альбом для набросков и вооружилась карандашами. Баста словно понял ее и повернул голову, продемонстрировав гордый благородный профиль. Он был создан для того, чтобы мама запечатлела его на одном из своих рисунков.

Мне нравилось смотреть, как она работает. Она рисовала все, что ее окружало, полностью поглощенная предметом изображения, и мир вокруг исчезал. Она начала говорить только в шесть лет и с тех пор, как мне казалось, не слишком

доверяла словам. Она их экономила, как будто запас мог в любой момент иссякнуть, но все то, что не высказывала, она рисовала. Три карандашных штриха – и модель оживала на бумаге. Она мигом замечала искорку во взгляде, схватывала какой-нибудь жест, вроде бы незначительный, но о многом говоривший. Ящики были заполнены сотнями моментальных зарисовок с натуры; переплетенные в альбом, они порой превращались в не очень связанные поэтические истории. Она часто ходила их читать и показывать в библиотеки и школы.

Отец со всех сторон осмотрел пса и, заглянув в энциклопедию, сделал вывод, что в нем есть что-то от фокстерьера, гончей, спаниеля и даже немного от мальтийской болонки. Словом, не собака, а пазл. Надо сказать, его длинный хвост калачиком не вписывался ни в одну классификацию. Казалось, его пришили к туловищу случайно.

– Послушай, – после двухминутного затишья заговорил Наполеон, повернувшись к отцу, – у меня к тебе одна просьба.

Он вытащил откуда-то охапку листов с машинописным текстом.

– Это мне прислал судья. Ты мне не прочтешь? Я бы сам это сделал, но забыл очки.

Отец забрал у него документ и пробежал глазами.

– Что там у нас... “Причина развода: желание начать новую жизнь”. Да, пап, ты о себе высокого мнения!

Наполеон горделиво улыбнулся, а Баста посмотрел на него с восхищением.

– В общих чертах здесь сказано, что все выразили согласие и никаких споров не было.

– Совершенно верно, – произнес Наполеон. – Все остались довольны, и вообще все прошло удачно.

– Для тебя – возможно, – заметил отец. – А вот для Жозефины... Я не уверен, что...

– Брось! Что ты в этом понимаешь? Ладно, давай читай остальное.

– Вроде все в порядке, всякие технические подробности касательно...

– Короче! – скомандовал Наполеон.

Отец пробежал последние строки.

– Знаешь, что судья приписал в конце карандашом? Смотри не уподи! “Удачи!”

– Симпатия он, этот судья, – сказал дед. – Я почувствовал, что между нами установился контакт. Я чуть было не пригласил его на кружечку пива.

Наполеон забрал бумаги из рук отца.

– Этот документ я вставлю в рамку и повешу в туалете. Чтобы отметить начало новой жизни.

Он сунул мне под нос бумажные листки:

– Смотри, Коко, это же как диплом! Мой первый диплом. Я повешу его рядом с Рокки.

Он улыбался. Его голубые глаза блестели, на лицо падала прядь густых волос безупречно белого цвета. Я восхищался его беззаботностью. Восхищался его юношеским взглядом в окружении мелких морщинок. Он всегда сжимал кулаки, даже когда для этого не было повода.

– Раз ты доволен, тем лучше, – сказал отец. – Я знаю, что ты не любишь, когда вмешиваются в твои дела, и что тебя не интересует мое мнение, но я считаю, что с матерью ты перегнул палку. Ну вот, я сказал и больше к этому возвращаться не стану.

– Ты абсолютно прав, – произнес Наполеон.

Глаза отца удовлетворенно заблестели, но тут Наполеон добавил:

– Ты вдвойне прав: я и правда не люблю, когда вмешиваются в мои дела, и твое мнение меня точно не интересует.

Наполеон повернулся ко мне и спросил:

– *Cu vi ne taksas lin cimserba?* (Дурацкий разговор, тебе не кажется?)

Я только чуть заметно улыбнулся.

– Леонар, что он сказал? – спросил отец.

– Да так, ничего, – ответил я. – Он говорит, что с твоей стороны все-таки мило так о нем беспокоиться. И он тебе благодарен.

Улыбка, осветившая лицо отца, мгновенно наполнила меня мрачной и нежной грустью. Мать крепко обняла его за плечо.

– В конце концов, так оно и есть! – проворчал дед, пожав плечами.

* * *

На следующий день у меня появился новый знакомый – Александр Равчиик. С двумя “и”, сразу же уточнил он. Он дорожил этими двумя “и” так же, как я – шариками, подаренными Наполеоном и спрятанными у меня в ранце. Александр носил причудливый картуз из меха, кожи, бархата и даже перьев, который он почтительно, словно рыцарский шлем, водружал на вешалку в коридоре. Этот странный предмет меня завораживал.

Александр был застенчивым, грустным и необщительным: это отдаляло его от одноклассников, но немедленно вызвало во мне симпатию. Спустя всего пару часов после знакомства я с удивлением обнаружил, что считаю его своим лучшим другом. Может, я просто обрадовался тому, что нашел товарища,

похожего на меня, того, с кем можно всем поделиться? А может, шарики Наполеона обладали какой-то магией? Загадка. Как бы то ни было, вера в собственную непобедимость вскружила мне голову, и я предложил Александру сыграть партию в шарики. Не сомневаясь, что сейчас приумножу полученные в дар сокровища, я выставил шарики Наполеона.

И увидел, как они один за другим исчезают в карманах моего нового друга. Надеюсь отыгаться, я снова и снова вытаскивал шарики из полотняного мешочка: должна ведь и мне выпасть удача. Но ничего не получалось, какой-то злой гений уводил в сторону мой шарик, и он в последний миг неизменно пролетал мимо цели.

Александр рассеянно, механически забирал свой выигрыш, даже не глядя на меня. Шарики издавали тихий стук, опускаясь на дно его кармана, раздувавшегося на глазах. Я говорил себе, что пора остановиться, что я все проиграю, но всякий раз моя рука словно помимо воли погружалась в мешочек и вытаскивала очередной шарик. Мой приятель отличался дьявольской ловкостью, а все его движения – точностью опытного снайпера.

Сначала ушли самые неказистые, потом – слишком блестящие, наконец – самые ценные шарики. В один день я потерял все свое богатство.

– Ну все, у меня больше ничего нет, – признался я.

Как ни странно, я совершенно не сердился на Александра. Ведь я же сам растратил то, чем так дорожил.

Сердце мое было так же пусто, как ранец, и по пути домой я едва сдерживался, чтобы не расплакаться. Что на меня нашло? Зачем мне понадобилось играть до последнего? А теперь слишком поздно.

Глава 5

На следующий день после трагедии с шариками дед заявил мне:

– Итак, Коко, я назначаю тебя моим адъютантом. Леонар Бонер – мой адъютант. Вот, теперь это официально.

– Жду ваших приказаний, мой император! – отчеканил я, как настоящий солдат, и вытянулся по стойке “смирно”.

– В атаку на перегоревшие лампочки! Чтобы яснее видеть будущее. Как думаешь, Коко?

– Это правильно.

Я держал табурет, на который он взобрался, чтобы выкрутить лампочку.

– Дедушка, ты точно отключил ток?

– Не волнуйся, Коко. И не зови меня дедушкой.

– Хорошо, дедушка. Я волнуюсь, потому что не хочу, чтобы с тобой случилось то же, что с Клокло[1 - Клокло – прозвище популярного французского певца Клода Франсуа (1939–1978), погибшего от удара током в собственной ванной. (Здесь и далее – прим. перев.)].

– Бедняга Клокло! Когда я о нем думаю, мне так грустно! Стукнуло током... Ха-ха-ха...

Он так смеялся, что я с трудом удерживал табуретку.

– Довольно веселиться, подай-ка мне новую лампочку.

Из-под его пальцев посыпались искры. И наступила полная темнота.

– Уй-ё! Черт! – произнес он и потряс рукой, как будто хотел ее остудить. – Наверное, я что-то забыл. Но ведь я сам проводил электричество в этом доме. Не понимаю. Твоя бабушка, видимо, вызвала кого-то что-то поправить, он все тут перепутал – и вот вам, пожалуйста. От женщин ничего хорошего не жди.

Он мягко, пружинисто спрыгнул на пол. Достал откуда-то свечу и зажег.

– Да будет свет! – провозгласил он.

Басту вся эта ситуация чрезвычайно забавляла. Удобно усевшись и энергично виляя хвостом, он ожидал продолжения веселья.

– Скажи мне, Коко...

– Что?

– Тебе не кажется, что нам тут хорошо вдвоем? – спросил он, опускаясь на старый диван.

– Втроем! – поправил я и погладил Басту.

Он был прав. Мы походили на двух воришек-сообщников, в потемках забравшихся в дом. Двое воришек и их пес.

– Интересно, он хороший сторож? – задумчиво произнес Наполеон.

Как будто отвечая на его вопрос, Баста перевернулся на спину и подставил брюхо, чтобы его почесали.

– Сядь рядом, вот сюда, – велел дед, похлопав по дивану. – Мне нужно кое-что тебе сказать.

Голос у него был ласковый, немного прерывистый. Сердце екнуло, мне вдруг послышалась в его тоне какая-то незащищенность. Все в комнате говорило об отсутствии Жозефины, и я был уверен, что Наполеон тоже ощущает эту пустоту.

– Друг мой Коко, – вздохнул он, – некоторые люди все еще здесь, хотя мы их уже не видим.

Несмотря ни на что, он был спокоен. Я обратил внимание на то, что его большие узловатые руки легко лежат на коленях как широкие мягкие листья. От свечи лился умиротворяющий свет.

– До чего же быстро тают свечки! – прошептал дед, потом, удивившись собственным словам, встрепенулся: – Пятнадцать минут меланхолии истекли, хватит философствовать. А теперь – кто кого!

Мы церемонно уселись друг против друга. Сцепили руки, ладонь к ладони. Мускулы напряглись. Наши руки клонились то вправо, то влево. На лицах появились зверские гримасы. Дед сделал вид, будто крепко стиснул зубы, будто ему тяжело и я вот-вот его одолею. Но в тот момент, когда моя победа была совсем близко, а его рука оказалась в сантиметре от стола, он начал посмеиваться, что-то насвистывать, рассматривать ногти другой руки – и легко изменил ситуацию. Моя рука описала дугу, как стрелка на циферблате, и легла на стол с другой стороны.

В этот миг кто-то постучал во входную дверь.

– Ты кого-то ждешь? – удивился я.

– Никого. Пойди открой. А я тем временем поправлю пробки. Не дадут ни минуты посидеть спокойно.

Их было двое, одинаково одетых, с одинаковыми чемоданчиками.

– Дома кроме тебя никого нет? – спросил первый.

Зажегся свет, и за моей спиной появился дед. К моему великому удивлению, он впустил их и пригласил сесть за стол. Я заметил, что его кулаки опять сжались.

– Ni amuzigos, Bubo! Ili ne eltenos tri raundojn! Vidu kion ili ricevos! (Давай повеселимся, малыш! Они и трех раундов не продержатся! Сейчас получат!)

Посетители вынули из чемоданчиков буклеты-гармошки и каталоги. Лицо у деда стало сосредоточенным, в глазах зажглось любопытство. Особенно его заинтересовали картинки.

– Посмотрите, – сказал один из визитеров, – это рельсовый подъемник, рельс крепится вдоль перил лестницы, и с его помощью можно без усилий подниматься вверх. Что-то вроде маленького персонального лифта. Хит продаж.

– Неплохо. А это что?

– Слуховой аппарат для слабослышащих людей.

– Какой аппарат? – переспросил Наполеон, оттопырив ухо.

– Слуховой аппарат для...

– Лоховой аппарат? Вы это хотели сказать? Вообще-то лохов здесь нет. Только иногда забредают всякие зануды.

Посетители незаметно переглянулись и попытались изобразить улыбку.

– Ну а это что такое? – спросил дед, ткнув пальцем в другую картинку.

– Лупы для людей со слабым зрением.

– Интересно. Скажите еще: чтобы рассматривать мерзкие рожи, вроде тех, что сейчас тут появились. А это что за штуковина? Вроде как для ребенка. Ходунки.

– Последняя модель из титана и карбона. Дисковые тормоза. Для людей с ограниченными возможностями передвижения. Вы ведь думаете о будущем?

– Вы это точно подметили: только о нем и думаю.

Торговцы расплылись в довольной улыбке.

– Конечно, Коко, мы о нем думаем! Bubo, cu vi kredas, ke li iras ce sia amantino! (Сейчас увидишь, они у меня схлопочут!)

Запал гнева задымился, оставалось подождать, пока пороховая бочка взлетит на воздух. Терпеливо. Как ждешь фейерверка.

– Итак, поговорим о будущем! – заявил один из продавцов. – И поговорим серьезно.

– Я сам расскажу вам сейчас о будущем – вашем будущем, – произнес Наполеон, сложил руки на груди и, прищурившись, уставился на них. – Причем на полном серьезе.

Оба мужика посмотрели на меня. Они поняли, что влипли. Я пожал плечами, показывая, что ничем не могу им помочь.

– Поговорим о вашем ближайшем будущем, мелкие засранцы: для начала вы прекратите нас запугивать. Теперь о вашем чуть более отдаленном будущем: вы получите в рожу. А пока что объясните мне внятно, кому предназначается вся это хрень?

– Людям по... как бы это сказать... Людям немного пожилого возраста, вот!

– Вы хотите сказать: старикам, так? – спросил дед, приподнимая бровь. – Выражайтесь яснее.

– Ну да... действительно, таким... как вы говорите.

Наполеон стал механически выбивать ногой дробь.

– Потому что вы, вероятно, увидели старика в этом доме, так? А ты видишь, Коко?

– Нет, – ответил я, озираясь и делая вид, будто кого-то ищу. – Баста, например, еще совсем молодой.

– Гав!

Два хлюпика что-то бормотали заикаясь. Они не решались больше ничего сказать. Дед показался мне великаном, его фигура выросла почти до потолка.

Он грохнул кулаком по столу, тот зашатался. Каталоги взмыли в воздух.

– Черт побери, покажите-ка мне старика в этой комнате? Он тут есть или его нет? Я задал вам простой вопрос! Даже такие примитивные существа, как вы, наверняка способны его понять. И даже ответить на него, если у вас есть инстинкт самосохранения.

Взмахнув рукой, он задел каталоги, которые разлетелись, ударившись о стену.

– Нет, стариков мы здесь не видим. Мы ошиблись адресом. Тут нет никаких стариков. Не то чтобы нам у вас не нравилось, но все же мы вынуждены вас покинуть...

Мы услышали, как их машина резко рванула с места.

– Говнюки! – крикнул дед. – Они добьют меня раньше срока, эти вестники беды. Пойдем, Коко, мне нужно снять стресс.

Я знал, что ему сейчас нужно. Мы заняли позицию друг против друга.

– Давай, Коко! Бокс, бокс! Вперед, заставь меня шевелить лапами!

Наполеон был таким сухощавым, таким худым, что в профиль был почти невидим. А спереди, наоборот, он казался прочной скалой.

– Защита! Держи защиту и смотри на мои ноги.

Кулаки, прикрывающие лицо, чуть наклоненное вперед туловище – он выглядел настоящим боксером, каким когда-то и был. В этой стойке он казался неуязвимым, готовым сразиться с любым соперником.

Он боролся за титул чемпиона мира в полутяжелом весе в 1952 году, но проиграл по очкам с незначительной разницей. Проиграл Рокки. Я знал этот бой наизусть, этот его последний бой, о котором писали все тогдашние газеты, этот бой, увенчавший его карьеру и одновременно поставивший на ней крест. Потому что сразу после поражения он повесил перчатки на гвоздь. Я никогда не находил в себе смелости расспросить его об этом загадочном поединке,

но в тот день, сам не знаю почему, задал вопрос:

– Что-то помешало тебе победить в том бою? Ты знаешь что именно?

Сосредоточенно насыпая корм собаке, он сделал вид, будто не расслышал, и некоторое время мы оба молчали. Потом он сухо ответил:

– Ничего. Ничего мне не мешало. Кроме судьи, которого нельзя подкупить.

Он вытер руки маленькой белой тряпкой, и я понял, что означает этот жест: больше никаких вопросов.

– И особенно не надо верить тому, о чем болтают газеты, – продолжал он, словно прочитав мои мысли. – Одни глупости! Сплошное вранье!

Он замолчал и несколько секунд наблюдал, как Баста, уткнувшись носом в миску, шумно наслаждается едой.

– Сколько же в него влезают! Уму непостижимо, да?

Он поднял на меня светлые мечтательные глаза. Мне почудилось, что прошла целая вечность. Свеча на столе почти догорела, и он ее задул.

– Почему ты тогда все бросил? Вот чего я не понимаю. Почему не захотел сразу же взять реванш?

– Иди посмотри!

Мы отправились в туалет. Там был настоящий храм бокса, нетронутый кусок прошлого.

Свидетельство, выданное судьей, вставленное в рамочку, заняло место на стене чуть в стороне от фотографий боксерских поединков. Наполеон в белых атласных трусах словно парил в воздухе, пружиня на легких мускулистых ногах. Сжав челюсти, он сыпал апперкотами, прямыми ударами или, приняв защитную стойку, отбивал хук противника. Непобедимый – ни одного нокаута.

– Прислушайся, Коко...

Я изо всех сил наяр слух.

– Слышишь, как ревет толпа? Слышишь крики? И удары кулаков, да?

Я слышал только негромкое бульканье воды, бегущей по сточной трубе, но все равно кивнул.

Наполеон в упоении рассматривал на снимках свое лицо.

– Я ни капельки не изменился. Да, Коко, время меня пощадило.

– Да, дед, ты совершенно не изменился. И вообще никогда не изменишься. Ты ведь правда не изменишься, да?

– Ни за что. Обещаю.

Наполеон замер у фотографии Рокки. Он прищурился и передернул плечами.

Квадратное лицо, сжатые губы, крепко сомкнутые челюсти. Плечи, блестящие от пота. Кулаки в защитной позиции у самых щек. Рокки. Великий Рокки, его последний соперник.

Наполеон вздохнул:

– Взять реванш? Этот разбойник Рокки обвел меня вокруг пальца. Он вскоре умер. От какой-то дурацкой хвори, не помню точно какой. Представляю себе, как он надо мной потешается. Надул меня, подлец!

Наполеон счел, что на сегодня мы достаточно потрудились и теперь ему нужно позвонить.

– Недотыке, – пояснил он.

Глава 6

Нетодыка – это мой отец.

Долгое время я не понимал, что может означать это загадочное слово. Я думал, что это, наверное, какое-то ласковое прозвище любимого сына. Но с тех пор, как я повзрослел достаточно, чтобы оценить его тонкие нюансы, мне всякий раз делалось не по себе, когда дед его произносил. Меня коробило от язвительности этого слова, и я чувствовал себя обиженным заодно с отцом.

– Алло, это ты? Мы с твоим сыном едем в боулинг, – сообщил он, подмигнув мне. – Когда вернемся? Откуда я знаю. Что ты спрашиваешь? Ты разве не в курсе, что у меня никогда не было часов? Те, что ты мне подарил? Я их посеял. Или продал, не помню точно. Ты же знаешь, боулинг – дело такое: когда начинается, это понятно, а вот дальше – как пойдет. Ну да, откуда же тебе знать. Уроки? Да, сделали. – Дед прикрыл трубку рукой и шепнул мне: – Какой зануда! Собирайся, сейчас поедem. – И продолжал: – К контрольной по грамматике? Конечно. Про диктант тоже помним, еще бы. Все в лучшем виде.

Тем временем я достал шар и наши ботинки для боулинга. Наполеон повесил трубку и произнес:

– Видишь, Коко, пришлось соврать недотыке. Только об уроках и думает. К счастью, ты на него не похож.

Сердце у меня сжалось. Мы не всегда похожи на тех, кем восхищаемся.

Наполеон натянул черную кожаную куртку, и мы вышли из дому, оставив ключи под ковриком. Он распахнул передо мной дверцу машины:

– Прошу вас, месье, садитесь.

У деда был свой собственный шар, черный, блестящий, очень тяжелый, с надписью по-английски *Born to win* – “Рожденный побеждать”. Те же слова были вышиты белым на его боксерских перчатках. Он находил, что в этом есть шик и элегантность.

Он пристрастился к боулингу от скуки, после того как бросил бокс, и вскоре стал блистать на дорожке, как прежде на ринге.

– Точность, гибкость, изящество – таковы три заповеди боулинга, – говорил он. – То же самое относится и к игре в шарик!

Он поставил свой “пежо”, заняв почти три парковочных места. И мы вошли в зал.

В тот вечер дед был в прекрасной форме. Делал короткий разбег, затем грациозный широкий шаг, как будто раскрывал пару легких ножниц. Шар с неохотой покидал его, как будто не желая расставаться с его пальцами, а потом скользил вперед так красиво, так мягко, словно на воздушной подушке, не касаясь пола. Результаты высвечивались на экране с танцующей девушкой в голубом купальнике. После десятка страйков подряд вокруг нас стали собираться люди.

Наполеон сосредоточился было перед “броском века”, но тут посреди благоговейного молчания прозвучал чей-то голос:

– Шар не урони, старичок.

Дед замер на месте. Подбрасывая в руке шар, он пробежал взглядом по зрителям. Группа насмешливых молодых людей явно решила закончить вечер в больнице. Наполеон усилием воли сдержал себя, сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, потом вернулся на место, готовясь к разбегу.

– Коньки не отбрось, дедуля! – бросил второй парень.

Вокруг нас сгустилась тишина. Дед положил шар, прочистил горло. Оглядел всех неприязненно и надменно.

– Пойдем, Коко, – громко проговорил он, – мы уходим. Здесь воняет.

* * *

– А потом? – спросил меня Александр на следующий день. – Чем все закончилось? Расскажи, что было дальше.

– Тебе интересно? – спросил я.

– Да-да! Ну давай, рассказывай!

– Так вот. Было уже темно, пришли мы на паркинг, а там нас ждет целая банда. Такие, знаешь, парни, которые пальцами хрустят.

– Ой, ужас! – воскликнул Александр. – И вы вернулись в боулинг?

– Ничего подобного. Дед просто им сказал: “Обычно я задаю трепку противнику один на один. Но сегодня сделаю исключение. С кого начнем?”

– А ты где в это время был?

– Сидел себе спокойненько на капоте “пежо” и сторожил дедушкин шар. Как будто смотрел кино, только попкорна не хватало!

– И тебе не было страшно? Я имею в виду, за дедушку не было страшно?

Я расхохотался:

– Страшно? С чего это? Он мне сказал только: “Извини, придется задержаться. Всего на пару секунд, и сразу поедem”. Бац-бац! – и он их всех уложил, одного за другим, прямо так, запросто. Видел бы ты, как он их отметелил! Парни корчились на земле и стонали, а дед сказал: “А теперь, если вам дороги ваши задницы, валите отсюда!”

– И что?

– И они свалили.

– Класс! – выдохнул Александр. – Ты так здорово рассказываешь!

Александр Равчиик упорно не желал говорить о своей семье, как и о том, почему они решили переехать в тот момент, когда учебный год уже начался. Было понятно, что он терпеть не может, когда люди лезут в его прошлое, и боится этого. Однако (а может, как раз по этой причине) большинство ребят в школе изводили его расспросами. Откуда ты? Чем занимаются твои родители? А у тебя есть и папа, и мама?

Я восхищался его искусством уходить от ответов. В этом он проявлял почти такое же мастерство, как в игре в шарики. Впрочем, одноклассникам это быстро надоело, они поняли, что ничего не добьются, и мстили ему, полностью его игнорируя, словно его и нет вовсе. Александра считали странным еще и из-за его необычного увлечения, которое, по общему мнению, было отвратительным, а во мне разжигало любопытство: он наблюдал за насекомыми, следил за их передвижениями, во время переменок защищал, не пуская их туда, где постоянно ходили школьники. Он знал их научные названия, и мне казалось, что они звучат так же ярко, утонченно и поэтично, как эсперанто Наполеона: жесткокрылые, бронзовки, мантикоры, жуки-олени.

Мы много времени проводили вдвоем, даже просто по дороге в школу и обратно. Дружба наша еще больше окрепла, когда он понял, что я не собираюсь расспрашивать его о семье. Что касается проигранных шариков, то мне не хватало духу о них заговаривать. Я смирился с тем, что теперь они не мои, а потому лучше о них забыть.

Но в тот вечер после разговора о подвигах Наполеона в боулинге, к моему удивлению, он достал из кармана мешочек, открыл его и запустил в него руку.

– Мне очень нравится, когда ты рассказываешь о приключениях своего дедушки. Ты рассказываешь гораздо лучше, чем играешь. Возьми шарик.

– Но...

– Бери же, бери! Ты мне потом еще расскажешь.

Отец с утра пораньше отправлялся в свой банк, так что мы мало виделись. Еще лежа в кровати, я слышал, как отъезжает его машина. Он прогревал мотор, регулировал громкость приемника, потом машина трогалась с места, шурша колесами по гравию. Этот отработанный до мелочей ритуал меня успокаивал. Когда я вставал, мама уже вовсю орудовала карандашами, и у меня порой создавалось впечатление, будто она всю ночь так и не выходила из своей маленькой мастерской, оборудованной наверху, в дальнем конце чердака, и напоминавшей корабельную каюту. Только я мог стоять в ней во весь рост, да и то лишь посередине. Мне очень нравилось там копаться, вдыхая запахи клея, лака, пастели и красок.

Мама пыталась устроиться на обычную работу со строгим расписанием и начальниками, которых следовало уважать, но всякий раз ее через несколько недель увольняли. Иногда за то, что она опаздывала или уходила раньше, иногда – оттого что она рисовала на всех папках и документах или засыпала, положив голову на рабочий стол. Но чаще всего это случалось потому, что стоило ей наняться на службу, как она теряла дар речи. Тут уж ничего было не поделать: она не могла выжать из себя ни единого слова. Просто не была приспособлена к миру работы.

Зато если она рисовала цветок, всем казалось, что он пахнет, а те, у кого аллергия на пыльцу, принимались чихать. Ее рисунки всегда были наполнены солнечным светом, и от них шло мягкое тепло. Но она была к тому же одним из тех редких художников, которые умеют нормально изображать дождь. Одна из ее книг была целиком посвящена дождю – изморось, унылый мелкий дождик, ливень, водяные смерчи, и возникало чувство, будто слышишь стук капель по крыше, ощущаешь их на коже, а вокруг веет особым запахом деревьев и цветов, омытых летним дождем.

В то утро, как часто бывало, я крался по лестнице, стараясь ступать как можно тише, чтобы, к своему удовольствию, застать маму врасплох, но она, даже не обернувшись, сообщила:

– Я тебя слышу! Опять не вышло!

Она работала среди полного беспорядка, который меня забавлял. Шаткие, опасно кренящиеся башни из листов с рисунками и причудливые нагромождения дисков, книг и маленьких коробочек каким-то чудом сохраняли устойчивость, фотографии на стене скакали галопом друг за другом, ноги повсюду натыкались

на альбомы с цветными обложками, и я недоумевал, как из этого хаоса рождались рисунки такой чистоты.

– Ты сегодня пойдешь к Наполеону? – спросила мама.

– Да, штурмуем стены.

– Ах да, конечно, – сказала она с насмешливой улыбкой. – Твой отец был не очень доволен. Наполеон иногда переходит границы.

Несколькими днями раньше, когда мы выбирали материалы в магазине товаров для ремонта, Наполеон списал деньги с банковского счета отца. Поскольку они носили одну фамилию, его уловка осталась незамеченной.

– У него все в порядке? – поинтересовалась она.

– У деда? В полном порядке. Мне иногда даже трудно за ним поспевать.

Моя мама была точь-в-точь как персонажи, которых она рисовала, – живые и веселые, не загруженные проблемами, обычно занимающими взрослых, и в то же время отмеченные легкой, спокойной грустью, похоже, никогда их не покидающей. Эти персонажи могли в один миг перейти от смеха к слезам – стоило лишь перевернуть страницу. Однажды она сочинила книжку, где рассказала историю девочки, которая из-за тяжелой болезни надолго лишилась возможности передвигаться и благодаря этому освоила рисование и живопись. Я был уверен, что это мамина собственная история, тем более что девочку тоже звали Элеа.

Мама погрузила кисточку в стакан с водой и, старясь придать голосу беззаботность, заговорила:

– Я знаю, вы не любите, когда кто-то вмешивается в ваши с дедом секретные планы, но если однажды понадобится помощь, дайте нам знать. Иногда случается, что...

Она замолчала. Пауза длилась несколько минут. Я понял, что мама не собирается продолжать. И правда, она взялась за кисть.

– О чем твоя новая история? – спросил я.

Она лукаво улыбнулась:

– Я тоже не люблю, когда кто-то вмешивается в мои тайные дела. Увидишь, когда придет время.

– Скоро?

– Не знаю.

Я уже начал спускаться по лестнице, но вдруг остановился:

– Мама, мне все-таки нужно у тебя спросить...

– Что? – рассеянно проговорила она, не отрываясь от рисунка.

– Я не совсем понимаю, почему Наполеон бросил бабушку. Она наверняка не была бы против новой жизни. К тому же он о ней постоянно думает. Он не говорит, но я вижу.

Мама поднесла кисточку к листу, но остановилась. Прошло несколько секунд, прежде чем она ответила:

– Иди помоги Наполеону, сынок. Император знает, что делает.

* * *

Несколько минут на велосипеде – и я оказался на другом конце города, где жил Наполеон. Его дом был гораздо меньше, чем у моих родителей, ярко-голубые ставни делали его похожим на рыбацкую хижину на берегу океана.

Когда я приехал, в гостиной уже стоял густой пар. Несколько дней назад мы сдвинули всю мебель на середину комнаты. Наполеон держал в вытянутой руке паровую машинку для отклейки обоев, издававшую грозный рев, словно дракон, и напоминал Геракла, сражающегося с лернейской гидрой.

Длинные полотнища обоев, разбухшие от пара, свисали со стен, и Баста, стараясь ухватить их, усердно клацал зубами.

– Как дела, Коко?

– Супер! А у тебя?

– Лучше некуда. Я в потрясающей форме! Меняю старую шкуру на новую, как мои стены. Открой окно, ничего не видно.

Пар выдуло наружу. Белесоватые облака почти тут же растаяли в воздухе. Мама могла бы это нарисовать.

Наполеон выключил паровой агрегат и бросил мне скребок, который я поймал на лету.

– Молодец! Теперь немного шпаклевки – и после обеда можно красить. Не стоит ничего откладывать на потом, понял, Коко?

– Понял.

– Стремительный напор. Самое важное – эффект неожиданности. Любое сражение можно выиграть благодаря эффекту неожиданности. В противном случае враг успевает подготовиться, а это все усложняет.

Устроившись на стремянке, он то и дело вытягивал тонкие руки и ноги, напоминая паука-сенокосца. В носу у меня стоял запах клея и мокрой бумаги.

– Император, о мой император! – обратился я к деду. – Ты хорошо знал Рокки?

Его рука со скребком замерла. Он на несколько секунд закрыл глаза.

– Рокки? Да, немного... Мы встречались в раздевалке. Тренировались в одном зале. Он был потрясающий парень! Вместо боксерской груши он использовал мешок, набитый письмами. Он не умел читать, а потому даже не вскрывал приходявшие ему письма. Оттого-то он и говорил, что чем больше ему пишут,

тем он становится сильнее. Единственный боксер, который до самого финала карьеры ни разу не потерпел поражения. Ни разу. Рокки НЕ-ПО-БЕ-ДИ-МЫЙ.

– Но ведь ты мог его победить!

– Давай поговорим о чем-нибудь другом, Коко.

– А дети? У Рокки были дети?

Наполеон принялся чистить скребок. Дед казался невесомым, как полоски бумаги, усеявшие пол. Он поднял глаза и посмотрел на меня. Я вдруг сообразил, что легкий аромат духов Жозефины улетел в окно вместе с паром. Мне подумалось, что теперь у Наполеона нет никого, кроме меня, и я тут же устыдился этой мысли.

– Дети? – буркнул он. – Не знаю. Давай бросай работу. Пора просвещаться.

Он непринужденно швырнул скребок в таз изящным движением баскетболиста, уверенно забрасывающего мяч в корзину.

* * *

Маленький транзистор несколько секунд трещал, потом стал отчетливо слышен голос ведущего.

В этой игре нам нравилось все. Ведущий, который с воодушевлением, словно в первый раз, призывал публику проскандировать вместе с ним: “Начинаем игру на тысячу евро-о-о-о!!!” Напряженная тишина после каждого вопроса, три сигнала, означающие, что время на размышление истекло, колебания участника, который под крики публики “Давай! Давай!” пытается решить, отвечать ему дальше или остановиться. Иногда игрок говорил: “Все, я заканчиваю”, и тогда Наполеон презрительно бросал: “Недотыка!”

Наполеон пристрастился слушать эту игру-викторину, когда работал таксистом. Он тормозил на обочине или на полосе аварийной остановки, даже если вез пассажира и тот куда-то спешил.

В этой нескончаемой игре сменилось несколько ведущих, и дед их путал. Он не помнил, кто из них ушел на пенсию, кто умер и кто задает вопросы в данный момент, они все для него были одинаковы и носили одно имя – Этот.

В тот день Наполеон открыл банку сардин. Вытащил одну из них за хвост, держа большим и указательным пальцами, и протянул Басте. Пес разом ее проглотил, только на зубах остался прилипший хвост. Пес положил голову деду на колени. Две оставшиеся рыбки Наполеон размазал по двум ломтям хлеба и один из них протянул мне.

– Надо было мне поваром стать, – проговорил он, откусывая бутерброд.

Прозвучал первый вопрос.

– Вопрос непростой, – предупредил ведущий, – будьте внимательны. Почему не присуждается Нобелевская премия по математике?

Время пошло.

– Подумайте хорошенько, – тихо сказал ведущий. – Это трудный вопрос. И ответ на него неожиданный.

Наполеон размышлял, покачивая головой.

– Ты знаешь? – спросил он.

Я пожал плечами и замотал головой.

Негромко, но неумолимо прозвучали три сигнала.

– Итак, слушайте ответ! Жена учредителя знаменитой премии сбежала от него с любовником-математиком, и из мести Нобель не стал учреждать награду для гениев математики.

Такого рода истории приводили моего деда в восторг.

– Ты слышишь, Баста? Ох уж эти умники! Со смеху помрешь!

Он наклонился к приемнику, с любопытством прислушался и нахмурил брови.

– Тихо! – велел он.

– Но я ничего не сказал, это ты...

– Тихо, тебе говорю! Черт! Ты слышал?

Я слышал. Через несколько дней передачу собирались записывать неподалеку от нас. Мне эта новость доставила такое же удовольствие, как Наполеону. Ведущий продолжал расписывать несравненные красоты нашего города:

– Ах, там чудесный лес, старинный замок и... э-э... потрясающий спортивный комплекс!

– Это должно было случиться! – воскликнул дед. – Долго же они к нам собирались!

Он выключил приемник, поставил локти на колени и положил подбородок на сложенные ковшиком ладони. По лицу было видно, что его мысли витают где-то далеко.

Внезапно он поманил меня к себе и тихонько сказал:

– Ты знаешь, одна вещь не дает мне покоя.

– Да? А что?

– Я вот думаю: Этот действительно счастлив? Он ведь мотается без передышки из города в город, не может спокойно посидеть хоть пять минут и все время тарабанит свои вопросы – разве это жизнь?

– Может, ему нравится задавать вопросы?

– Мне бы, например, осточертело, – заявил дед. – Уверен, он этим тоже давно уже сыт по горло. Ну что ж, немного армрестлинга, и мы в полном порядке!

Крепкий захват. Расслабленные мышцы. Напряженное лицо – для вида. Моя рука, описывающая дугу. Что тут поделать? Он непобедим.

– Раз-два – и готово, – заявил Наполеон. – Может, ты и одолеешь меня, но не так скоро.

Он поднялся и стал рассматривать картинку, наспех вырезанную из журнала и прикрепленную к холодильнику двумя магнитами.

– Красиво там, в Венеции, вода, гондолы, всякие штуки...

Глава 8

Несколько дней спустя я застал Наполеона в ванной: он мыл Басту, а тот, весь в пене, послушно терпел.

– Дед, ты моешь собаку?

– Надо же, какой ты наблюдательный! Просто потрясающе!

– Ты ее моешь жидкостью для посуды?

– Очень хорошо получается. Чувствуешь этот запах? Приморская сосна. Вообще-то я уже закончил.

Баста выпрыгнул из ванны и мигом испарился, оставив за собой пенный след.

– Будем продолжать ремонт? – поинтересовался я.

Наполеон не торопясь вытер руки, потом ответил:

– Сделаем небольшой перерыв. Нужно подготовиться.

– Хорошо, – согласился я, несколько секунд подумал и спросил: – Подготовиться к чему?

– К важному событию. К великому делу. Историческому.

И он трижды стукнул кулаком по столу. Как в театре.

* * *

– Не может не получиться! Коко, я все рассчитал до мелочей. У нас впереди целые выходные. Вы с Бастой мне поможете.

– Дедушка, мне хотелось бы кое-что уточнить.

– Конечно, спрашивай. Нужно приступить к делу, имея о нем ясное представление.

– Зачем тебе похищать Этого?

В том-то и заключалось его великое дело – похитить ведущего. Перед самым приездом в спорткомплекс.

– Зачем? Сам подумай, Коко. Потому что его необходимо освободить. Да-да, не смотри на меня так. Освободить его от этой нудной работенки, от всех этих вопросов, которые ему приходится задавать. Нужно вытащить его из тюрьмы! Пусть поживет по-человечески.

Я был потрясен. Дед умел так заманчиво все представить!

– Но он ведь может не согласиться, – засомневался я.

– Он наверняка не согласится, иначе зачем его похищать? Но потом он скажет нам спасибо.

– Ну, раз ты так считаешь...

Маршрут, порядок действий, снаряжение, тактика – все было рассчитано, абсолютно все.

Ювелирная работа, в которой Басте отводилась ключевая роль.

Дед расхаживал взад и вперед по гостиной между тазиками и банками с краской, как будто по сцене. Полный воодушевления, он уже верил в успех.

– Мы останавливаем его машину, он выходит, и тут – раз-два! – мы его хватаем и увозим. Несколько секунд – и нас уже след простыл.

– Куда мы его денем?

– Засунем в багажник моего “пежо”.

Да, такой вместительный багажник когда-то должен был пригодиться. Но без подготовки такое не сделаешь, неплохо бы потренироваться.

– Ну вот, Коко, завтра и начнем.

Он провел сомкнутыми пальцами по губам, как бы закрывая рот на молнию.

– Держи язык за зубами. Иначе все испортишь.

* * *

Да, конечно, я крепко-накрепко закрыл рот. Завязал его и сделал узелки, как на куске мяса для жаркого, которое по воскресеньям покупала мама и которое опутывали шпагатом так, словно боялись, что оно убежит. По официальной версии, я ходил к деду помогать с ремонтом, а вечером, когда родители спрашивали, как продвигается работа, я давал уклончивые ответы, щедро сдабривая их всякими “шпаклевками”, “грунтовками”, “затирками”, “высокопрочными стеклообоями” и “обойным клеем”. Показывал ладони, которые Наполеон мазал мне краской перед уходом. Было немного стыдно

врать, но Наполеон придавал своему великому делу такое значение, что я не мог его предать.

На самом деле было так: Наполеон привозил меня на старую буксирную тропу неподалеку от города, на берегу канала, где стояло на приколе несколько барж, большей частью заброшенных. Согласно твердому убеждению деда, машина ведущего обязательно поедет по шоссе, которое пересекается с дорогой, где мы спрячем машину.

– Он прибудет с юга, – сообщил Наполеон, – и направится на север, в сторону спорткомплекса. С какого перепуга ему искать другую дорогу?

Вот до чего я любил своего деда. На споры времени не было. На подготовку осталось всего три дня.

– Я все предусмотрел. До мельчайших деталей.

Он покопался в пакете с кормом, хлопнул в ладоши, топнул ногой, рассыпал комочки корма вдоль дороги до того места, где Басте предстояло упасть и притвориться мертвым.

– Немного кетчупа – и порядок, – объяснил Наполеон. – Этот обязательно выйдет из машины.

– Ты уверен?

– Конечно. Однажды он сказал, что у него была собака. И что он обожает собак.

Действительно, причина веская. Наполеон понимал, что я колеблюсь.

– А теперь, если ты ставишь под сомнение мои приказы и мою стратегию...

– Я просто хотел уточнить – и все!

Он погрузился в раздумья, глядя неведомо куда и постукивая пальцем по подбородку.

– Как сейчас помню, это было семнадцатого января семьдесят девятого в Валансьене: тогда он и говорил о своей собаке.

– У тебя железная память.

Три дня я играл роль ведущего, который выходит из машины, чтобы оказать помощь Басте: тот научился по команде моментально укладываться на обочине. Он высовывал язык и виртуозно притворялся мертвым.

Наполеон подкрадывался сзади и утаскивал меня, зажав мне ладонью рот. Я делал вид, будто отбиваюсь. И в два счета оказывался в багажнике. Наполеон останавливал секундомер и объявлял:

– Семнадцать секунд – и он в багажнике под замком. Железно! – Потом, хлопнув по капоту, говорил: – Славная машинка, мой “пыжик”!

Все эти дни, помогая деду готовиться к великому делу, я испытывал смутное беспокойство. У меня создалось ощущение, будто он идет по канату над пропастью, но все равно мы смеялись и шутили. Организация похищения Этого превратилась в самую увлекательную на свете игру.

В полдень Наполеон открывал банку сардин, одну бросал Басте – тот ловил ее на лету, – остальные по очереди аккуратно подцеплял ножом и выкладывал на куски хлеба. Мякиш быстро пропитывался маслом, оно капало нам на штаны, но мы не обращали внимания.

– Дед, – однажды спросил я, – мы собираемся запихнуть Этого в багажник, так?

– Ты понятливый.

– Хорошо, а потом? Что мы с ним будем делать?

Он понимающе улыбнулся с видом человека, у которого все под контролем.

– Хе-хе, я же тебе говорил, Коко, я ничего не пускаю на самотек. Все просчитано.

Наполеон указал пальцем на пришвартованные у берега канала баржи.

– Видишь вон ту баржу? Мы его на ней спрячем.

– Но он же сбежит!

– Меня бы это удивило. Ну разве что он любит купаться в ледяной воде. Потом я отчалою.

Он трясся от смеха так, что уронил сардину.

– Э-э... Ты хочешь сказать, что...

– Вот именно. Здорово, да? Я смоюсь. О, ненадолго. На несколько недель, просто проветриться. Надо проучить недотыку! Хочет меня закрыть – пусть побегает. Что ты на меня так смотришь?

– Ты умеешь управлять баржей?

Он пожал плечами:

– Подумаешь! Тоже мне проблема! Вряд ли это труднее, чем водить машину.

– А куда ты поплывешь на барже вместе с Этим?

– В Венецию. Пусть отдохнет от своего транзистора. Увидит что-то еще, кроме трибун спорткомплекса или этих многофункциональных залов, где в сортирах никогда нет туалетной бумаги. Вольный ветер! Вольная жизнь! Думаю, он не станет задавать слишком много вопросов.

Я улыбнулся. Воображение унесло меня ввысь, я увидел баржу Наполеона на венецианском Большом канале, услышал, как ведущий донимает деда бесконечными вопросами, написанными на зеленых, красных, синих карточках. Он прав, это великое дело. Игра ва-банк, которая войдет в историю. Мне так нравилось, когда он ощущал себя сильнее всех на свете.

Дед посмотрел на часы:

– Итак, раз уж мы заговорили об Этом...

Наполеон нашел нужную радиостанцию. Голос ведущего, поначалу невнятный и далекий, зазвучал яснее. Вопросы следовали один за другим, вязкие как повидло. Может, он и вправду нас ждет?

– Потерпи немного, приятель, – произнес Наполеон, – совсем скоро ты сорвешь банк. Мы идем!

Глава 9

И мы пошли. В ту среду Наполеон, свежий как горный ручей, бросил прощальный взгляд на свой дом. Ночью я плохо спал, и у меня немного слипались глаза. К нетерпению примешивалась легкая тревога, и я спрашивал себя, правильно ли я поступил, никому ничего не сказав. Но непоколебимая уверенность Наполеона развеяла все сомнения:

– Мы на финишной прямой, Коко!

Наконец мы отправились в путь – к буксирной тропе, на верном “пежо”, с запасом собачьего корма и несколькими бутылками кетчупа. Баста вальяжно расположился на заднем сиденье, словно голливудская звезда. Наполеон дернул ручной тормоз и постучал по часам на приборной доске, проверяя, нормально ли они работают.

– Все просто супер! – радостно воскликнул он. – У нас еще полчаса.

Мы вместе обошли машину. Дед попинал шины, чтобы удостовериться, что они не спущены. Я проделал то же самое. Он остановился у багажника, задумчиво трогая подбородок.

– Я тут кое о чем подумал, Коко. Так, ерунда, но все-таки... Этот – сколько он весит, на твой взгляд?

– Откуда я знаю? По радио не очень-то поймешь.

– Вот будет смешно, если он окажется слишком длинным и его лапы сюда не влезут. Надо бы проверить.

Сказано – сделано. Он открыл багажник.

– Я туда заберусь, Коко, и мы прикинем. Быстрее, надо поторапливаться.

Он залез в багажник и поджал ноги. Наискосок – в самый раз.

– Закрой, Коко, хочу посмотреть, как тут внутри.

Хлоп. Молчание. И все. Прошло несколько секунд.

– Дедушка, ты там?

– А где, по-твоему, я могу быть? Ушел танцевать джерк? Открывай.

Баста посмотрел на меня. Мне стало смешно. И я сказал:

– Не могу. Ключи у тебя.

На несколько секунд воцарилась тишина. Потом из машины раздался рев:

– Твою мать!

Оценив таким образом свое положение, дед занервничал, заворочался внутри багажника, стал бить ногами и молотить кулаками. Бесполезно. Ловушка захлопнулась.

– Пропустим! – кричал дед. – Мы же его пропустим! Еще чуть-чуть – и мы сотворили бы шедевр!

Машина раскачивалась. Амортизаторы жалобно попискивали. Текли минуты. Прошло четверть часа. Потом полчаса.

– Рассчитал же все до миллиметра, – жалобно стонал он. – Пропало дело! Такой план – и все псу под хвост!

– Придется вызвать подмогу! – сказал я. – У папы, скорее всего, есть дубликат ключей.

– Ни за что. Ты слышишь меня? Никогда!

– Но ведь ты скоро проголодаешься!

– Здесь полно собачьего корма.

В любом случае оставаться в таком положении было невозможно. Сначала прохожие и велосипедисты стали подозрительно посматривать на десятилетнего мальчишку, разговаривающего с багажником “пежо”, потом Наполеон стал кашлять, хрипеть и задыхаться.

А мне хотелось есть и пить, к тому же было страшно. В довершение всего Наполеон заявил:

– Я писать хочу.

Спустя еще немного времени ситуация накалилась: два жандарма остановили машину на обочине шоссе, и их фигуры замаячили в конце дороги. Баста тут же рухнул на бок и притворился мертвым.

Я рассказал об этом деду, у которого случился приступ нервного смеха.

– Ты почему смеешься?

– Потому.

– Почему – потому?

Он с трудом проговорил между двумя всхлипами:

– Попытаются меня посадить – а я уже сижу!

* * *

Жандармы сочли, что мы с дедом выбрали очень странную игру, и мне было приказано продиктовать телефон отца. Или телефон – или нас отправят в участок.

Отец примчался через несколько минут, размахивая дубликатом ключей, и вступил в переговоры с жандармами, которые постепенно смягчились. Один из них в конце концов сказал:

– Да, у меня отец тоже стареет.

Отец повернул ключ в замке, но багажник не желал открываться. Наполеон явно держал его изнутри.

– Выходи, – приказал отец.

– Ни за что! – завопил Наполеон. – Тебе на работе делать нечего?

– Дел выше крыши, только я никуда не уеду, пока ты не вылезешь оттуда.

– Проваливай, говорю тебе.

– Это что ж такое! – завопил отец. – Я все бросаю и лечу сломя голову, чтобы тебя спасти, а ты в ответ велишь мне проваливать!

Дед расхохотался:

– Меня спасти? Ты шутишь?

– Именно так, тебя спасти. Извини, но ведь это ты попал в историю.

– И сам бы выпутался, без тебя. Мы просто играли, вот и все.

– И во что же вы играли, позвольте спросить?

– В прятки!

– В прятки? В багажнике, на берегу канала?

Тем временем Баста, заметив, что что-то происходит, перевернулся на другой бок и замер.

– А собака твоя, она тоже с вами играет? – поинтересовался отец.

Он грохнул кулаком по капоту “пежо”, так что осталась вмятинка.

– Тебе сколько лет, папа? – прорычал он.

– Столько, что струю я пускаю дальше тебя! – отрезал Наполеон.

Глава 10

На следующий день он просто снял с холодильника фотографию Венеции и сказал:

– Мы не сдадимся, Коко. А на Венецию наплевать, говорят, там воняет.

Он внимательно посмотрел на снимок, стремительно его скомкал и швырнул в мусорное ведро. Потом взял пассатижи и, подцепив ими крышку, открыл огромную банку с краской.

– Знаешь, – заметил он, – ведь Этот – всего лишь голос, и только!

Хотя приключение получилось коротким, оно пошло ему на пользу. Казалось, он по-новому смотрит на свой дом, как будто вернулся из долгого путешествия. Нас ждала работа, кисточки тянулись к нам своими щетинками, а валики только и ждали, когда их начнут катать.

Открыв банку, он перемешал палкой содержимое.

– Все это доказывает только одно, Коко, – проговорил он. – Нужно всегда быть настороже и никогда не терять бдительность. Одна промашка – и все коту под хвост. Никогда не позволяй, чтобы тебя заперли!

Он провел по моему лицу широкой мягкой кисточкой:

– Гляжу на тебя, и глазам весело!

Прищурившись, я посмотрел на Наполеона, который хохотал над собственной шуткой. Я тоже развеселился и вдруг подумал, что запомню это мгновение на всю жизнь.

– Не скупись, будь щедрым, мажь погуще, – велел он. – Банк платит! Положим краску в несколько слоев, очень аккуратно. Времени навалом. У нас не горит. Зато потом лет пять можно об этом не думать.

– Или даже десять.

– Угу, или десять.

От этой истории у него в душе остался едва заметный след, ссадинка на сердце, о которой он никогда не говорил, но которая – я это чувствовал – давала о себе знать в час передачи. Транзистор молчал несколько дней. Сразу после полудня Наполеон, которому до смерти хотелось включить радио, принимался кружить по кухне и тянул руку к приемнику, но тут же отдергивал, словно боясь обжечься.

– А, к чертям!

И даже потом, когда он снова начал регулярно слушать любимую передачу, его взгляд туманился, как будто мысленно он совершал прогулку по Большому каналу в Венеции.

Орудя кистью, Наполеон если и умолкал, то ненадолго. Он в сотый раз с удовольствием рассказывал мне, как стал *taximan*. Благодаря случайному стечению обстоятельств.

– И вот однажды возвращаюсь я из зала Ваграм, после боя, в котором Вильмену крепко досталось. Было очень поздно, часа два ночи. Я остановился на красный свет, ну, ты понимаешь... И тут – тук-тук: какая-то дама стучит в окошко и спрашивает, свободен ли я. Молоденькая и такая хорошенькая! Я сказал “да”. А что? Я и правда был свободен как ветер. И хоп! – она открывает переднюю дверь. Ее звали Жозефина.

Наполеон решил, что это знак судьбы. Он проживет свою вторую жизнь как *taximan*, причем женатый.

– Когда ты хочешь изменить жизнь, нельзя целую вечность прикидывать, что да как. Я засунул свои боксерские перчатки в бардачок – и *avanti!*[2 - Вперед! (ит.)] Ты представить себе не можешь, Коко, сколько народу я перевез! Богатых, бедных, болтунов, молчунов, молодых, старых, грустных, веселых. Симпатяг и отпетых зануд. Придурков. Придурков в широком ассортименте.

Особенно ему нравилось слушать откровенные признания, которые пассажиры не могли сделать больше никому, и у него создавалось ощущение, что он знает их лучше других.

– Я возил мужчин, которые только что стали отцами, и тех, что собирались лечь в больницу или уехать на край света, спасаясь от правосудия. Одни смеялись, другие плакали.

Поначалу пассажиры его узнавали. Они видели его когда-то на ринге. Или обратили внимание на его фото в газете. Он оставлял им автографы. Его расспрашивали о странном поражении в поединке с Рокки.

Он немного скучал по миру бокса, но считал, что смерть Рокки – это знак и настало время повесить перчатки на гвоздь. В тот день, размазывая по стене краску, он добавил:

– Однажды ты все поймешь, Коко. Я обязан Рокки самыми радостными днями в этой жизни.

О какой радости идет речь? Он говорил особенным голосом, не позволявшим задавать лишние вопросы.

– Что-то мы с тобой стали слишком серьезными, – восторженно воскликнул он, – включи-ка музыку, Коко, чтоб разрядиться. Работать нужно весело и в хорошем настроении. Особенно когда начинаешь новую жизнь.

Я включил приемник, и над банками с краской разнесся голос Клода Франсуа:

Я в твоей жизни,

Я в твоих объятиях...[3 - Слова из популярной песни Клода Франсуа “Александрия, Александра” (Alexandrie, Alexandra, 1977).]

Наполеон стал подпевать, в ритме музыки водя кистью. Он окунал ее в огромную банку каждые пятнадцать секунд, слегка пританцовывая. Похоже, у него что-то было на уме. И вдруг началось! Он сделал стремительный пируэт, твердо встал на обе ноги и бросил кисть, которая полетела через всю комнату, крутясь винтом. Откинув голову назад, он стал вращать руками, резко поднял их вверх, согнул и взмахнул ими несколько раз, словно крыльями, как будто хотел улететь. Он поднимал одну ногу, потом делал мах другой, подпрыгивал на месте, вихлял задом и выдвигал бедра вперед. Это была очаровательная клодетта[4 - Клодеттами называли танцовщиц Клода Франсуа.] с пышной шевелюрой и грацией гиппопотама.

– Погляди, Коко! Как тебе?

Он поводил плечами, вздергивал подбородок, скользил вперед, отскакивал назад, а под конец завертелся волчком на месте.

Я голоднее,

Чем барракуда...

– Барракуда... – подпевал Наполеон, широко раскрыв рот и описав взором дугу, как будто следил за движением солнца.

Я онемел от восхищения. Мускулистый, сухощавый, похожий на большое насекомое, он стремительно вращался, ударял пяткой в пол, сплетал руки за спиной и порывисто выбрасывал их вверх.

– Как ты классно танцуешь! Где ты этому научился?

– На Бродвее! – Он на миг остановился, подтянул джинсы и предупредил: – Когда будет припев, еще не то увидишь!

И вот, взлетая вверх и скользя вниз, зазвучал припев. Наполеон поднял руки и стал плавно махать вправо-влево, словно с кем-то прощался под нескончаемые гудки в порту Александрии.

– Воу-воу-воу! – эхом вторил он.

– Дедушка, у тебя такой талант! – крикнул я, смеясь. – Ты и есть Барракуда из песни! Ты чемпион, ты император, тебя никто не победит!

В тот момент, как я потом рассказывал Александру, у меня действительно было ощущение, что этот человек бессмертен. Что он будет со мной всегда. Что он всю мою жизнь будет побеждать меня в армрестлинг. Потому что он из тех, чье отсутствие невозможно себе представить.

Внезапно я замер.

– Стой! – заорал я. – Ты...

Слишком поздно. Поглощенный исполнением все более дерзких па, Наполеон поставил ногу на полосу обоев, залитых краской вперемешку с жидким клеем. Он заскользил, словно на льду, и со всего маху врезался в гору мебели посреди комнаты.

Клод Франсуа невозмутимо горланил:

Сегодня вечером я весь горю, а ты чуть жива от холода,

Сегодня вечером я танцую, танцую, танцую

в твоей постели...

А мой дед лежал на спине, шевеля руками и ногами, как таракан, который не может перевернуться на брюхо. Я засмеялся, но тут же понял, что мой приглушенный смех звучит в пустой комнате слишком мрачно и гулко.

– Дедушка, ты как?

– Не зови меня так.

Как рефери на ринге, я отчеканил:

– Один... Два...

– Прекрати, парень, это мне надо считать.

– Что?

– Свои кости. Мне кажется, что половины уже нет. А на вид я целый?

– Кажется, да.

“Барракуда”, – распевал Клокло.

– Будь добр, сделай так, чтобы он заткнулся, этот придурок Клокло. Достал со своей барракудой!

Наступила тишина. Деду явно было невыносимо больно. Он стиснул зубы и только тихонько жалобно постанывал.

– погоди, Коко, помоги мне подняться. Не позволяй императору так низко пасть. Он попал в переplet и не может выбраться. Враг напал неожиданно. Ты же знаешь, как это бывает: эффект внезапности, и...

– Мы возьмем реванш.

– Ты прав, не будем поддаваться отчаянию. Мы ж не недотыки какие-нибудь.

Я попытался его поднять, но он был слишком тяжелый, и я испугался, что уроню его и он разобьется на тысячу кусочков. Лежа на полу, он казался совсем маленьким, чуть больше ребенка.

– Сними с меня банку. Нужно копыто освободить.

Я только сейчас заметил, что, пытаясь удержать равновесие, он наступил ногой в банку с краской, и ступня в ней застряла. Я схватил обеими руками банку и потянул изо всех сил, но без толку: я тащил его самого вместе с проклятой банкой.

– Ладно, Коко, давай подумаем, что предпринять в сложившейся ситуации.

– Обычно в таких случаях зовут на помощь союзников.

По его взгляду и насупленным бровям я понял, что он изо всех сил старается сообразить, кто мог бы прийти к нему на помощь. Но императорский двор опустел. Все приятели умерли. В конце концов он спросил в замешательстве:

– Думаешь, его? Недотыку?

– Не вижу другого варианта.

– Ты считаешь, я стану звать его на помощь? Я?!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Клокло – прозвище популярного французского певца Клода Франсуа (1939–1978), погибшего от удара током в собственной ванной. (Здесь и далее – прим. перев.)

2

Вперед! (ит.)

3

Слова из популярной песни Клода Франсуа “Александрия, Александра” (Alexandrie, Alexandra, 1977).

4

Клодеттами называли танцовщиц Клода Франсуа.

Купить: https://telnovel.com/ru/ryuter_paskal/barrakuda-forever

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)